

*Общественной наукой библиотеке***ХУДОЖНИК АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ
ЯГОДНИКОВ***в наш день**о сотрудничестве.**15. 08. 06.*

М.Е.ДАЕН

О нем мало что известно даже специалистам по русской живописи XIX века. В художественных справочниках о Ягодникове нет ни слова; картин, подписанных его именем, — единицы (одна из них находится в Третьяковской галерее). Ключом к поиску хоть каких-то фактов его биографии стал рассказ "цеховых дел мастера, мещанина природного" из города Вологды Федора Викторовича Немирова, записанный и опубликованный в 1895 году художником В.В.Верещагиным в серии "Автобиографии незамечательных русских людей"¹.

Уже глубоким стариком Немиров вспоминает, как мальчиком его отдали в обучение к "живописных дел мастеру Борису Егоровичу Монахову", от которого он убежал, боясь наказания за совершенную оплошность: "...У хозяина, теperяче, вышпаклены были шесть икон, под живопись приготовлены были. И я сейчас на печку поднял эти доски, чтоб они скорее сохли, а их разорвало с концов-то вершков около четырех по стругам-то!"² И далее: "Был у хозяина Тюрин Платон Семеныч, да Ягодников Алексей Иванович, мальчик был, да я — оба академики были после и оба теперь на праведном пути. Я один остался. После на того и на другого столярную работу я работал"³.

Этот рассказ уникален неповторимой цветистостью вологодского говора, но с точки зрения фактической в нем есть некоторые неточности (Верещагин ведь воспринимал речь мастерового на слух, да и сам рассказчик мог какие-то детали забыть или спутать). Во-первых, фамилия учителя, неоднократно встречающаяся в архивных документах, не Монахов, а Монаков⁴. Во-вторых, упоминаемый Немировым в рассказе Алексей

Иванович Ягодников никогда академиком не был и даже не учился в Академии художеств. Другое дело — П.С.Тюрин, который в 1857 году действительно стал академиком, жил в Петербурге почти 16 лет, участвовал в академических выставках, исполнял крупные заказы, которыми и отчитывался перед Академическим советом⁵. Однако вполне очевиден тот факт, что Платон Тюрин и Алексей Ягодников вместе обучались в частной художественной школе Монакова.

Контрактный договор на обучение Ягодникова мы нашли в Вологодском архиве: "1835 года декабря 24 дня мы, нижеподписавшиеся, вологодский мещанин Иван Васильев сын Ягодников заключил сие условие с дворовым человеком капитанши Ольги Федоровны Харламовой с дозволения ея Монаковым Борисом Егоровым с таковым договором: чтобы он, Борис Егоров Монаков, обучал сына моего Алексея по правилам рисования и живописному искусству писать масляными красками образа как сам умеет и на его, Монакова, содержании"⁶.

О процессе обучения можно судить по воспоминаниям того же Немирова: "Семь месяцев я рисовал только азбуку, значит, зеницы ока, и до всего человека вырисовал фигуры карандашом, за краски не принимался, последняя фигура оставалась, зады человека вырисовать, и ее (фигуру. — М.Д.) не вырисовал... Когда, значит, нужно было я краски приготавлил, тер на плите: крон, киноварь, шихирвейс и берлинскую лазурь, винцейскую ярь, слоновую кость, ржевский бакан — каких только колеров не требовалось все приготавлил полукармин и кармин тер. Ультрамарину только не имел в руках и не знал до сих пор... Называли дороже золота его! ... А кость сами

жгли, эти кобылочки самые от студени: бросишь в печку и потом сгорят, сверху белое ножичком счиستیшь эту белизну, там смолевое, совершенно как голландская сажа. ... Хозяин говорит все единственно, что слоновая кость, что эта ... где же столько слонов натягать сколько ее идет в Россию!" Карандашей и бумаги не хватало. Карандаши тоже делали сами, заворачивая лучинки в мокрую тряпицу и кладя их в огонь. "Сгорит эта мокрая тряпочка и остаются эти самые головешечки этих лучинок, оне твердые как вроде карандаша — обчистишь и рисовали им". С бумагой выходили из положения следующим образом: "На бумаге не ладно нарисуешь, сейчас счищаешь — и потребление было малейшее в бумаге: один лист существовал вместо десяти, не ладно нарисовал, сметали уголь, опять на ней же и мараешь". Об учителе мастеровой отзывается с большой теплотой: "Прекраснейший человек, хозяин". Чтобы содержать мастерскую и учеников, он писал иконы для храмов, заказные портреты: "Помню это самое, что Виплогов был — с его взяли три рубля за патрет, десять на ассигнации, это памятно. При нас подрядились". Ученики, как и Монахов, в свободное от занятий время занимались иконописанием, оформляли усадебные интерьеры, копировали гравюры иностранных мастеров. "Вот на Иосифе Прекрасном, когда он к Пентефриевой жене в спальню приходит, ... закроет какую хотите краску"⁷. Очевидно, рассказчик имеет в виду картину Гвидо Рени "Иосиф Прекрасный и Пентефрия", сюжет которой пользовался тогда большой популярностью и часто копировался. Возможно, этим занимался и Алексей Ягодников.

Мы уже говорили, что в Третьяковской галерее хранится всего одна работа А.И.Ягодникова — портрет Любоми Гавриловны Лихачевой с сыном Василием⁸. На обороте холста надпись: "Сосновец. Ноября 2-го дня 1852 года". Имение Сосновец, или Сосновицы, Пошехонского уезда Ярославской губернии, принадлежало старинному дворянскому роду Лихачевых, известному фамильной портретной галереей, — ныне Рыбинский историко-художественный музей⁹; надо полагать, что работа А.И.Ягодникова также входила в это собрание. Л.Г.Лихачева (урожденная Карнович) изображена на портрете играющей с младенцем. Обычная бытовая сцена исполнена такой значительности, будто перед нами изображение Мадонны в духе итальянского Возрождения...

В Вологодском государственном музее-заповеднике есть еще два полотна А.И.Ягодникова

— портреты сестер поэта Константина Николаевича Батюшкова — Елизаветы Николаевны (в замужестве Шипилова)¹⁰ и Варвары Николаевны (в замужестве Соколова)¹¹: пожилые женщины в скромных платьях. (Оба портрета поступили из Московского литературного музея в 1973 году, хотя имеют вологодское происхождение и находились у родственников К.Н.Батюшкова. Даты жизни сестер установила И.В.Чекалова — сотрудница вологодского музея, которой я выражаю искреннюю благодарность за предоставленные сведения. — М.Д.) Судя по стилю одежды, причесок, мебели и по характеру композиции, включающей интерьерный уголок — столик и портьеру, можно приблизительно датировать эти произведения концом 40-х — началом 50-х годов XIX века. Оба полотна подписаны карандашом: "А.Ягодниковъ".

Перед нами настолько разные портреты, что если бы не подпись, атрибутировать их как работы одного автора было бы невозможно. В образе Л.Г.Лихачевой Ягодников, вероятно, исполняя волю заказчика, использует художественный язык другой культуры, что свойственно больше предшествующему столетию. Портреты сестер Батюшковых менее эффектны — здесь Ягодников всматривается в лица, стараясь проникнуть в сущность человека... Таким образом, один и тот же автор предстает перед нами как стилизатор, работающий по образцу, и как мастер реалистического психологического портрета, причем оба метода у него не противоречили друг другу, но составляли единство: ставка на образец дисциплинировала волю, не давала впасть в произвол, а реальная натура обостряла наблюдательность. Именно это единство придает неотразимую привлекательность еще одной работе Алексея Ягодникова — "Семейный портрет в интерьере" (1855 год) из собрания "Ломбарда Жулебинского"¹². Картина была куплена на аукционе Сотбис в Лондоне. Проследить историю ее бытования трудно. Несомненно лишь, что она имеет большую художественную ценность и не укладывается в рамки только наивной провинциальной живописи. Обращает внимание весьма искусное пространственное решение композиции: читается не только передний план, как у большинства примитивистов, но и перспектива второй комнаты, из окна которой льется солнечный свет. Главное же — выразительность представленных на полотне характеров: молодой, уверенный в себе хозяин, в смокинге и лаковых ботинках, сидя на диване,

Из коллекции "Ломбарда Жулебинского"

А.И.Ягодников. Семейный портрет в интерьере

обнимает одной рукой стоящую слева дочь; его супруга — дама благородного строгого вида — сидит в кресле, держа на коленях маленькую девочку; в центре — двухлетний мальчик в пестрой косоворотке рассматривает лежащую на столе книгу с гравюрами.

Лица детей и родителей застыли в молчаливой серьезности. При столь нарочитой репрезентативности картина содержит массу деталей бытового характера, которые приближают ее к жанру: кошечка с красной ленточкой на шее, раскрытая шкатулка с рукоделием, книга на столе перед мальчиком, погремушка в руках малышки, дорогая сигара в руке хозяина — символ его благополучия. Нарядные платья, тщательно уложенные прически, картины в резных позолоченных рамках, дорогой пестрый ковер, фарфоровая ваза на колонне, богатая тяжелая портьера, основательно сработанная мебель говорят о недюжинной энергии и деловой хватке молодого хозяина, добившегося всего этого благодаря личным качествам, а не родовым или сословным привилегиям. Можно предположить, что художник писал близких ему людей. Традиция изображения в центре младшего члена семьи, как правило, мальчика, характерна для мещанских портретов. Алексей Ягодников как раз и являлся типичным представителем вологодского мещанства. Сотрудница вологодского музея Г.Н.Козина обнаружила в архиве ГАВО документ, свидетельствующий, что А.И.Ягодников был причислен к ремесленному обществу Вологды как "живописец". В списке мещан и ремесленников Вологды за 1871 год его имя стоит рядом с именами братьев — Василия "столяра" и Павла. В документе говорится: "Алексей Иванович Ягодников родился 3 ноября 1823 года, Василий — 16 апреля 1831, Павел — 19 сентября 1834". Четвертый брат, Николай, с 1855 года "за все семейство по очередному порядку отбывал воинскую повинность по рекрутскому набору". "Все братья — православные, грамотные, неоседлые, промышляют заодно, повинности платят друг за друга"¹³. В документе перечислены и другие члены семьи: мать Ягодниковых Евгения Николаевна, жена Алексея Анна Дмитриевна, жена Василия Александра Александровна и их сын Иван. В окладных книгах того же архива упоминаются сыновья Василия — Алексей и Андрей¹⁴. Дочери в этих книгах не отмечались, так как за них не платили подати.

Логично предположить, что на портрете изображена семья Василия Ягодникова в пору ее бла-

гополучия. Со временем оно было утрачено: в 1884 году имена Алексея и Василия Ягодниковых уже значатся в списке недоимщиков, "с коих слагается недоплата ввиду обремененности многочисленными семействами"¹⁵.

Другими, более точными данными о Ягодниковых мы пока не располагаем. Так или иначе, в истории русского искусства появилось новое яркое имя — Алексей Иванович Ягодников...

¹Верещагин В.В. Автобиографии незаметных русских людей. М., 1985. С.1-13.

²Там же. С.4.

³Там же. С.6.

⁴Борис Егорович Монаков — крепостной Грязовецкой помещицы штабс-капитанши О.Ф.Харламовой. Работал как иконописец и мастер настенных церковных росписей. В 1833 году писал иконы для Николаевской церкви, что на Возьме Вологодского уезда (ГАВО. Ф.1, оп.1, д.95, л.7). В 1834 выполнял настенные росписи в Троицкой церкви, что на Возьме (ГАВО. Ф.1, оп.4, д.121, л.17). Монаков неоднократно заключал договоры на обучение мальчиков живописному искусству (Даен М.Е. Вологодский художник П.С.Тюрин // Панорама искусств. М., 1983. С.316).

⁵Даен М.Е. Указ.соч. С.307-328.

⁶ГАВО. Ф.1, оп.4, д.127, лл.4-4 об.

⁷Верещагин В.В. Указ. соч. С.3-6.

⁸Холст, масло. 74,6 x 66,3. Слева внизу подпись: "Пис. Алексей Ягодников". На обороте предположительно авторская надпись: "Сосновець. Ноября 2-го дня 1852 года. Портреты Любовь Гавриловны Лихачевой и Василья Ивановича Лихачева 9-ти месячнаго возраста". ГТГ. Инв. № 25372. Приобретен у О.В.Ступиной в 1940 году // Государственная Третьяковская галерея. Каталог живописи XVIII — нач. XIX вв. М., 1984. С.527 // Примитивисты XVIII — нач. XIX века. М., 1995. С.47. Каталог. № 117.

⁹Грамагина Е.В. Каталог русской портретной живописи в Андроповском историко-художественном музее // Музей-9. М., 1988. С.50-83. № 4, 5, 6, 18, 28, 69.

¹⁰Бумага, акварель. 22,5x14. Инв. ВОКМ 16584. Елизавета Николаевна Шипилова (1782 — 1853).

¹¹Бумага, акварель. 22,5x14. Инв. ВОКМ 16583. Варвара Николаевна Соколова (1791 — 1881).

¹²Частное собрание Г.А.Путникова. Москва. Холст, масло. 90x103.

¹³ГАВО. Ф.475, оп.1, д.79, л.154 об.- 155.

¹⁴ГАВО. Ф.472, оп.2, д.257, л.331 об.

¹⁵ГАВО. Ф.473, оп.1, д.103, л.12 об. Согласно документу, Алексей Ягодников задолжал 5 руб.88 коп., а Василий — 19 руб.50 коп.